

ЛАЗОРЕВЫЙ ВСАДНИК

ГЛЕБА АРТХАНОВА

Старикова Лилия Ямилевна родилась в Приуралье, в г. Бугульме. Там же в 1978 г. окончила среднюю физико-математическую школу. Образование продолжила в ЛАТУГА (Ленинградское Авиационно-Транспортное училище Гражданской Авиации). Автор 6 поэтических книг и книги прозы «Посох Тенгре», а также музыкального альбома «Ворон», написанного на собственные стихи. Публиковалась в различных альманахах, антологиях и в коллективных сборниках. Лауреат двух региональных литературно-музыкальных фестивалей, фестиваля поэзии Александро-Невской Лавры, дипломант Всесоюзного фестиваля им. Валерия Грушина. Член Союза писателей России, соучредитель и организатор фестиваля авторской песни «В начале было Слово».

Глеб Арханов

Когда-то я вывела для себя определение ярких, цельных стихов. Они подобны живому, сильному дереву. Корни символизируют принадлежность к земле, к народной традиции; макушка, устремленная вверх, олицетворяет духовность; ствол – идею произведения; ветви, отходящие от ствола – образы, посредством которых обогатается главная мысль.

Поэзия Глеба Арханова представляется мне таким стройным деревом, стоящим посреди равнины, включающей в себя расстояния от Черного моря до Белого и от Балтийского до Каспийского. Корни этого дерева сквозь родимую почву уходят в глубину веков, когда одни племена брали верх над другими, понятие государственности не имело четкой формы, условные границы владений были подвижны. Великая равнина являлась домом для многих народов. В своих трудах С.М. Соловьев (1820–1879) отмечает: «Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведёт народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале раз-

ноплеменно её население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними». Выводы историка примем за отправную точку и пойдём по страницам книги Глеба Арханова «Лазоревый всадник».

Книга состоит из четырёх частей. В неё вошли: мёбиусный веночек сонетов, (отдавая должное мастерству сложения венка, я остаюсь равнодушной ко всякой математически выверенной поэтической системе); переводы и великолепное эссе, адресованное поэту Вениамину Блаженному, его памяти. Из предлагаемого автором разнообразия рассмотрим только первую часть книги – философскую лирику.

С первых же строк автор погружает читателя в историю сарматов. Кто же такие сарматы? Снова обратимся за помощью к С.М. Соловьеву. Вот что он пишет: «Сарматы были белокуры, свирепы на вид, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расплывались по телу разными узорами, вели кочевую жизнь, не умели сражаться пешком, но на лошадях были неотразимы; отличались дикостью и жестокостью в нравах; поклонялись мечу, по другим известиям, огню, и приносили в жертву лошадей. Из сарматских племен сильнейшими являлись язгы на западе, в нынешней Бессарабии и Валахии (Румынии), отчасти в

Венгрии, и роксоланы на востоке – между Доном и Днепром». Запомним и это. Вооружась некоторыми знаниями, вчитаемся в стихи Глеба Арханова.

*...Степами благодатными до края,
На Каспий растекались, на Азов,
Крошили от Алтая до Дуная
Подковами наши постояльчьи кров.*

*Мечам, что воткнуты во все пределы,
Молились в ожидании креста.
Дух мечевой хранят и белый камень,
И новгородских капищ береста.*

*Праязыками засевали земли,
И оседали наши племена,
И прорастали, кликам нашим внемля,
Церквей и зиккуратов семена.*

И далее:

*...Придите к нам! Ваш вырожденный гений!
К духовным да примкните праотцам, –
И светом оботкнутся ваши гены
По всем спиралям, петлям и концам...*

*...Столпы, колоссы, башины, обелиски
Под всяким небом ясно, как мечи,
Вам указуют на небесно-близких –
На нас, сквозящих в ответах свечи...*

И далее, и, пожалуй, то главное, ради чего было задумано и написано стихотворение:

*...И в светах золотой Руси Небесной,
В струенные стягов, в серебряные риз
Сияет над сквозящею бездной
Издревле возвещенный панрусизм.*

В данном философском осмыслении исторических коллизий **панрусизм** воспринимается не как русофильство, но как призыв к объединению потомков славянских племен, ибо делить нам нечего. У нас единые родовые корни, общая культура, один праязык. Произведение написано задолго до известных событий, происходящих сегодня на Украине, и тем оно ценнее, тем актуальнее звучит.

Духовные традиции нашего народа устойчивы ко всякого рода переменам, политическим веяниям, богоборческим настроениям. Империи рушатся, а традиции остаются. Наши деды были очевидцами крушения Российской империи. Мы, рожденные в СССР, помним крушение Союза. При Советах духовные центры повсеместно закрывались (перекреститься на храм считалось преступлением), исконные понятия подменялись лозунгами, иконы – портретами вождей коммунизма, но Церковь выстояла, пережила гонения и сегодня стада Пастыря весьма приумножились. Но мыто, мы-то – дети страны Советов. Такая ломка не могла не оставить следа в нашем сознании. Вот стихотворение, на котором хотелось бы остановиться.

*Учили нас тому и этому
И гвозди в голову вбивали.
И этими, и теми светлами
Калечили и ослепляли.*

*Ничьё не принимал учительство,
Над кем не воскресляет гений.
Их самозванное водительство
Под шерстью чёрных откровений.*

*Ни мрак церковный за оградами,
Ни сумрак мавзолеевых елей
Не озарили сердце правдами,
Свечой келейной не согрели.*

*Но эта световая лестница
Всегда сияет надо мною.
Столпы лазоревые светятся
И нас уводят вышнюю.*

Но тому нас учили и не так. Пытливый ум не удовлетворяется готовыми шаблонами, а тем более, обманутый не раз, может ли он безоглядно довериться чему-то? Поэт ищет свою дорогу к Истине. Услужливая память тут же подсовывает высказывание Плиния: «In vino veritas!» Почему бы и нет?! Согласно новозаветной догме вино есть кровь Христа. Не то! Ну, хорошо, возьмем ветхозаветный сюжет: сон Иакова, лестницу, по которой восходят и нисходят ангелы (Быт. 28:12–16). Опять не то! Не тот случай, не та *лестница*. У поэта она, соединяющая небо и землю, своя, и что с того, что опирается на традицию? Поэт в поиске своего Бога. Это главное. Путь его труден, мучителен. Разочарования подстерегают его: «*Что лишать пророчества без толку... // Я о них и думать позабыл*» (Кто-то в запечатанном конверте...).

Что же поэт понимает о себе?

«Не народу я нашему нужен // А всерусской святынной душе» (Но услышим неслышимый рокот...).

Каким видится ему конец пути?

«Упаду кипарисовым посохом // В обогретую кровью теплынь» (Ах, какое клубление воздушных!)

И вдруг откровение:

«Все мы в Тебе, будто в тёмной пещере, // Разве всемогущ Ты? Разве ничтожен? // Мы – сыновья и смиренные дочери, // Запечатлённый мой ласковый Боже» (Как там во чреве горячем, сыночек?), и там же: *«Плаваешь, тычася во тьме незнакомой / В стенки своей кровянистой пещерки...»*. Пещера – материнское лоно – тайна. В её темноте и тесноте совершается великое таинство – зарождается жизнь. Вообще, пещера есть тайна. В пещере родился Иисус. Всё загадочное и самое интересное происходит в пещере. Из её утробы вышли герои сказок братьев Grimm, и герой русской народной сказки – Змей Горыныч, и его китайский собрат дракон, и герой Гомеровской «Одиссеи» – Полифем, и т.д. Первые адепты христианства – ученики Иисуса – прятались в пещере. Данте использовал пещеру для описания ада. Можно сказать, пещера –местилище всего тайного, запретного – предтеча такого явления в искусстве как андеграунд. Андеграунд противоположен мейнстриму. Учитывая выше сказанное, и поскольку мы имеем дело с поэтом-бунтарем, не желающим плыть по течению, думается, образ пещеры появился в его книге вполне закономерно.

В стихах Глеба Арханова жизнь и смерть идут рука об руку. Ощущение ускользающего времени не дает покоя поэту. Это понятно. Ведь неизвестно, кому сколько времени от рождения отмеряно. Когда последний праздник наш? Поиски смысла нельзя остановить, нельзя остановиться самому. Отсюда признание: *«Вхолостую гореть нету мочи»* (Не хочу быть понятой своей страной...).

Конечность земного пути, как теперь, так и в древности, волновала многих поэтов и мыслителей. Римляне построили замок ангелов – гробницу императора Адриана, имеющую круглую форму башни, на вершину которой ведёт винтовая дорога в три с половиной оборота – символ вечности. Идя по ней, человек примеривается к собственной смерти и, поднявшись на вершину, испытывает катарсис и вместе с тем – радость. Он же может вернуться назад! А что у нас? Какую мы проходим психологическую тренировку в примирении со смертью? По Глебу Арханову: *«Путь – от кутьи до кутьи»* (Из дому вышел тому уж лет сорок...). Страшный путь! Прощаясь с нашими близкими, хороним часть себя. И так во всем, золотой середины для нас нет. Не потому ли философия поэта обретает головокружительную **амплитуду качания**: от безверия к вере, от веры к безверию, от внутреннего бунта: *«Лишь сильный сильных не боится. // Не устрашится он и ада»* (...но, может быть, и мне простится...) к смирению: *«Слава богу, все идет, как надо, // Окормляя глупого меня»* (Слава богу, всё идёт, как должно...); от разочарования к откровению и наоборот? За всем этим следует энергетический выброс и, как высшая точка кипения, облекается в гневный, громогласный призыв:

И я вам говорю:

*Не поощайте щедрость,
Не сокрывайте души, как стаю голубей.
Пусть отряхнут они тяжёлую оседлость.
Пусть воскружат они – где небеса белей.*

И я вам говорю:

*Проснитесь и услышите
Пичужью тишину, что громче всех громов.
Не колыбелей прах
тишайшие воскол yourselfте,
А грозы языков и шелест малых мов.*

*И саваны содрав премудростей убогих,
Всклоченность бород
Ветрами расчесав,
Летите вышнюю щербатистой дороги, –
Где золотится стих на белых небесах.*

И я вам говорю,

*Как возрекал Спаситель:
Восстаньте ото сна,
от сладостных мозил,
Омойте словеса и грозно озарите
Свой тощий полумрак огнём небесных сил.*

В книге есть посвящения родным, друзьям, поэтам. Особняком стоит стихотворение, озаглавленное «Блаженный Вениамин». Глеб Арханов был не просто знаком с Вениамином Айзенштадтом, он дружил с ним. Многолетняя дружба даёт право на откровение: *«Бездомность лишь тебе, скитальцу, по плечу, // Безумство лишь тебе, предвестнику, пристало. // Стихом ты изойдёшь, и к Богу-Палачу, // И к Господу-Отцу прибьёт тебя устало»*.

Какова амплитуда от Бога-Палача до Господа-Отца!

Всегда по самому краю; либо взлёт, либо падение. Неискущённому читателю придётся туго, после таких строк его просто укачает.

Слово «лазоревый» возникает то в одном стихотворении, то в другом и, надо полагать, не случайно. *«Лазоревая персть родной земли»* (Сарматия), *«Прими лазоревую боль, // Судьбу дорог лазоревых»* (Любови лазоревая боль...), *«В мати нисходит лазоревый голубь»* (Мама... Я в маме живу... Перезвоны...), *«Вручает нам лазурный крест»* (Над золотой иглой собора...) и т.д. Да и название книги включает в себя это слово. Лазоревый цвет или голубец – цвет неба, а в православном каноне иконописи – цвет высшей созерцательной энергии. Взгляд поэта устремлен к небу. Подтверждением тому его строки: *«И прибавляю, прибавляю скорость, // Пытаюсь заглянуть за облака»* (Как и всегда, февральский дождь в апреле...).

Лазоревый всадник – небесный всадник. Кто он, этот загадочный всадник? Не сам ли автор, мятущийся в необозримом пространстве? Найдёт ли он свой путь? Вот вопрос. *«Я ещё не смею умереть»* (В октябре стекленеет трава...) – говорит поэт, ибо поиски его ещё не завершены, ещё не найдены ответы...

Я от всего сердца желаю автору продолжительных поисков, как залог продолжительной жизни, ибо по слову Корнея Чуковского: «В России надо жить долго, тогда что-нибудь получится».

